

7. Jakobson, R. *Essais de linguistique générale* / R. Jakobson. – Paris: Minuit, 1963. P. 14.
8. Van Dijk, T.A. *What is political discourse. Political linguistics* / T.A. Van Dijk // Ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam, 1998.
9. Sarcozy, N. *Discours au Congrès de l'Union pour le mouvement populaire (UMP) le 14.01.07* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.électionsprésidentielles.com>. – Дата доступа: 14.01.2007.

Н.В. Фурашова (Минск, МГЛУ)

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА И ИСТОРИЯ СЛОВА

Лингвистика, накопив в ходе многолетней истории развития богатейший материал о становлении и развитии языка, о его системно-структурном устройстве и т.д., оказалась в настоящее время, по выражению У. Чейфа, «в неудобной позиции, так как из всех разделов науки о языке, которые она изучила, она меньше всего узнала о семантике» (цит. по [8, с. 7]). Поэтому интерес исследователей к содержательной стороне языка в последнее время – в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы – постоянно растет. По мнению В.Н. Топорова, можно даже сказать, что «наступает время, когда семантика все более приближается к острию стрелы развития гуманитарных наук и разгадке той тайны человека, которая отделяет его от других живых существ» [22, с. 7]. Не случайно, что когнитивная лингвистика и зародилась именно как когнитивная семантика.

Определяя новое понимание роли языка и лингвистики в комплексе отраслей знания, входящих в «зонтиковую» когнитивную науку, Е.С. Кубрякова пишет, что лингвисты, с одной стороны, хотят «ввести в КН (когнитивную науку) «больше лингвистики», ... но с другой, и больше сведений, полученных за пределами лингвистики, ввести в саму лингвистику и показать преимущества такого расширительного взгляда на вещи для интерпретации чисто языковых форм» [14, с. 48]. Основными постулатами когнитивной лингвистики, определяющими подход к исследованию семантики, являются экспланаторность, экспансионизм, антропоцентризм и функционализм [13].

Семантика языковых единиц, анализируемая исследователем сквозь призму указанных постулатов, и может быть определена как когнитивная. В лингвистической литературе она трактуется как «эксплицитная, эмпирически заземленная субъективистская, или концептуалистская теория значения» [11, с. 73], как «наука о теории категоризации, а значит, и не вполне «укладывающаяся» в традиционную область собственно лингвистики и требующая междисциплинарного подхода» [14, с. 306]. Скорее всего, говорить следует о когнитивном **подходе** к исследованию языковой семантики.

Когнитивный подход к явлениям языка заключается в понимании их «как источника сведений о концептуальных или когнитивных структурах нашего сознания и интеллекта» [14, с. 57], ср. также: «семантическая проблематика языка погружается в проблематику анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной действительностью» [16, с. 5]; «первостепенный и наиболее существенный предмет лингвистики составляет именно концептуализация» [3, с. 47–48]; «структура языка зависит от «концептуализации», которая, в свою очередь, является результатом постижения человеком себя в окружающем пространстве бытия, а также выработки человеком отношений к этому внешнему миру» [5, с. 5]; целью лингвистики провозглашается «более глубокое проникновение в семантические концепты, выражаемые языковыми знаками» [21, с. 739]; «семантика языковых единиц описывается в терминах, характеризующих именно мышление» [12, с. 84].

Из приведенных цитат следует, что когнитивная семантика – это «новая концептуальная схема анализа, новая модель постановки и решения исследовательских задач в лингвистике» [2, с. 67]. Р.И. Павленис подчеркивает в этой связи, что «существенным методологическим следствием такой переориентации семантических интересов является включение собственно семантической проблематики в проблематику теоретико-познавательного и онтологического плана» [17, с. 6].

Следует отметить, что такая постановка вопроса раньше не была возможной в силу ряда объективных причин, но она была подготовлена предшествующими парадигмами лингвистического знания. Так В.В. Петров отмечает, что «в предшествующий период – 60–70-е годы – в зарубежной философии языка преобладала та точка зрения, в соответствии с которой природу языка можно уяснить, изучая все, кроме сознания индивида, сферы ментального. Сейчас этот запрет снят. ... Сейчас общепринятым становится подход, считающий, что успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания» [19, с. 12]. Автор имеет в виду зарубежную теорию языка, ведь и когнитивная лингвистика зародилась, как известно, за рубежом. Что касается советского языкознания, то сегодня признается, что ономазиологическое направление можно рассматривать как раннюю версию когнитивизма. И все же «экспансия» структурной лингвистики с ее подходом к языку и методами анализа чувствовалась и у нас.

Говоря о новой парадигме исследований, следует особо подчеркнуть, что ее «основной отличительной чертой ... признается ее объяснительный характер, а основной задачей – моделирование языковой способности человека» [1, с. 50]. Именно стремление дать **объяснение** языковым фактам (ср.: КАК-лингвистика vs. ПОЧЕМУ-лингвистика) и побудила нас обратиться к диахронии при описании синхронного состояния языка, а именно – явления многозначности.

Согласно Р.И. Павиленису, процесс познания человеком окружающего мира является процессом образования смыслов, или концептов, об объектах познания. Под смыслом или концептом автор понимает то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира. Совокупность смыслов или концептов образует **концептуальную систему** носителя языка, систему его знаний и мнений о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом этапах и уровнях и несводимой к какой бы то ни было лингвистической сущности. Познание – автор говорит о «выделении» – языка заключается в кодировании языковыми средствами определенных фрагментов, «кусков» концептуальной системы [17, с. 12, 101 – 102]. С другой стороны, интерпретация языковых высказываний осуществляется – и возможна только – на основе соотнесения их с концептуальной системой, так как языковые знаки являются сущностями метонимическими, то есть передают всякий раз лишь какой-то фрагмент сложной, объемной концептуальной структуры.

Этим и предопределяется выход за рамки чисто лингвистического знания, в сферу так называемого экстралингвистического, так как в концептуальную систему входят, как было отмечено, знания, опыт, верования, оценки, мнения и т.д. индивида. Это, по мнению Р. Джекендоффа, уровень, на который стекается, на котором сопоставляется информация, приходящая по разным каналам и принадлежащая разным модальностям (цит. по [11, с. 94]). Здесь стирается и грань между социальным и индивидуальным.

В этой связи следует отметить, что в концептуальной системе «среднестатистического» носителя языка операции сопоставления единиц двух названных уровней протекают по большей части автоматически. Лингвист, стремящийся **объяснить** определенные языковые явления, целенаправленно восстанавливает концептуальную структуру на основе анализа всех возможных сочетаний определенного слова, фразеологических единиц, в которых оно употребляется, и – что особо важно для темы данной статьи – **этимологических** данных, информации культурно-исторического, религиозного и т.п. характера.

В.Н. Топоров отмечает, что обычный человек, не лингвист, как правило, не «рефлектирует» по поводу вопросов, связанных с фонетикой и морфологией, но когда речь заходит о семантике или об этимологии (само это слово может быть неизвестно человеку), «любопытные» люди проявляют нередко живой интерес, почему нечто названо так, а не иначе. Другими словами, и лингвист, и не лингвист ищут разгадку загадки, разница только в аргументах, процедурах и результатах [22, с. 8].

Это положение очень важно для объяснения явления многозначности. Для изучающих какой-либо язык как иностранный мотивы или основания переноса языкового знака (слова) с одного явления на другое часто непрозрачны и непонятны, что затрудняет овладение вторичными значениями. Для лингвиста это связано с проблемой установления деривационных связей между отдельными значениями и далее – с реконструкцией концептуальной структуры, с которой соотносится рассматриваемое слово. Концептуальная система – явление сложное, объемное, динамичное, подверженное постоянным изменениям в силу изменяющихся материальных условий жизни человека и т.п., отдельные фрагменты ее содержания могут устаревать или, наоборот, получать особую актуальность или переосмысляться. Единицы языковой системы, будучи в этом отношении более консервативными, сохраняя «форму», «тело знака», начинают обозначать модифицированное, новое содержание, знание.

Не вдаваясь в оценку этого явления, представляет ли оно собой экономный способ обозначения нового за счет того, что язык, с одной стороны, избегает количественного прироста лексических единиц, а с другой, экономит когнитивные усилия говорящих, представляя новое, неизвестное через старое, знакомое, отметим лишь, что история развития слова, приводящая к многозначности, являет собой наглядный пример того, как развивается категория. Среди лингвистов-когнитологов общепризнан взгляд на любое (знаменательное) слово как на имя категории. В этой связи хотелось бы отметить, что, с одной стороны, «никакие мыслительные (мыслимые) категории неопределимы без языка либо вне его. ... любая категория **не может не быть языковой** по определению, то есть является семиотическим объектом с формой и значимым содержанием» (выделено мной. – *Н. Ф.*) [4, с. 50]. С другой стороны, – и это особенно важно для рассматриваемой темы – «естественно-языковые категории – это суть лексические, или, скорее, лексикализованные категории, то есть категории языкового наивного сознания, которые при завершении своего формирования получили имена-названия ... любое (знаменательное) слово, участвующее в акте номинации, называет какую-либо категорию и дает выход в под- или надлежащий концепт» [4, с. 51].

Появление у слова новых значений на основе метафорических и метонимических переносов или в результате других механизмов означает развитие категории, ее расширение за счет включения новых членов, не приводящее к ее разрушению, так как все они «уживаются под крышей одного знака».

Сравнение этимологических и современных толковых словарей позволяет сделать некоторые интересные выводы о формировании и развитии указанных категорий. Семантическая структура многозначного слова на каждом этапе развития языка и общества отражает актуальное состояние знаний социума. Это приводит, с одной стороны, к тому, что всякий раз она отражает лишь часть всей истории развития слова и общества, культуры, традиций, верований, мифологических воззрений и т.п., которые актуальны на рассматриваемом этапе. С другой стороны, критерий актуальности и, соответственно, частотности, которым руководствуются составители словарей, приводит к перестройке в семантической структуре слова, когда исходное значение или отсутствует совсем в связи с его устареванием и исчезновением, или приводится в словарной статье последним (возможны и другие случаи).

Такая неполная или искаженная картина этимологической истории слова приводит, согласно общему сравнению В.Н. Топорова, к тому, что исследователь рассматривает ее «сверху» (из современности) и видит результаты и следствия, но не видит «черешков». Правда, теоретически эта неполнота [22, с. 47] могла бы быть компенсирована находящейся с нею в дополнительном распределении неполнотой взгляда «снизу» (из прошлого), когда гипотетическому наблюдателю были бы видны именно «черешки», но оставалась бы неизвестной их судьба. Разумеется, взгляд «снизу» недоступен этимологии (как, кстати, и биологии, где он мог бы сыграть исключительную роль при решении ряда вопросов эволюции) [22, с. 46 – 47].

Однако языкознание накопило значительный материал по истории развития языка, так что связь синхронно-семантического и этимологического анализа позволяет выявить некоторые «условно называемые «первообразные» элементы языка, к особенностям которых «относятся их «основонесущая», строительная функция, их категориальная отмеченность, более непосредственный характер отсылки к внеязыковой сфере и к тому, что можно назвать *locus nascendi*, конкретнее – к человеку, и не только (может быть, и не столько) в его гуманитарно-культурном, но и естественно-природном, еще уже – анатомически-физиологическом аспекте, к т е л у» [22, с. 53].

Объектом данного исследования явились глаголы физического действия в современном немецком языке. Обращение к этимологическим словарям позволило выявить, что «основонесущим» элементом всякого действия является движение, а каузация движения объектов, то есть перемещение их, представляет собой простейшее интенциональное действие субъекта. Многие глаголы, имеющие в современном языке значение физического (воз)действия, представляли собой ранее глаголы движения, например, *schießen* «стрелять», *streichen* «зачеркивать, красить»¹, причем движения собственного тела человека / его частей, например, *biegen* «согнуть», *führen* «немного пошевелить частью тела», или наблюдаемые в природе движения животных типа *schießen* «стремительное движение взлетающей, выпархивающей из гнезда птицы», *schlingen* «способ передвижения змей, червей, а также о вьющихся растениях». По образу и подобию последних человек приводил в движение, изменял местонахождение или форму других объектов. Интересно, что эти значения сохранились в отдельных устойчивых сочетаниях или фразеологических оборотах, о чем Н.Ю. Шведова писала: «В слове соединены черты единицы современной, сущей, и единицы, своими корнями уходящей в историю, причем бывшее, ушедшее оставляет в слове свой живой и неизгладимый след» [23, с. 7].

Одной из задач когнитивной семантики является изучение форматов знания, которые фиксируются языковыми знаками, причем предполагается, что слова разных частей речи коррелируют с разными когнитивными структурами. Все чаще в лингвистической литературе встречается мнение о том, что существенная доля наших знаний представлена образами, а архаичное сознание было по преимуществу образным. Важно также отметить, что образы раньше связывались в первую очередь с объектами, но, как показывает анализ языковых данных, в семантической структуре глаголов также находит отражение образность мышления или моделирования окружающего мира.

Приведем лишь несколько примеров с глаголом *stechen* «колоть» (этимологические данные бесценны в этом отношении, так как они описывают образы, лежащие в основе порождения вторичных значений): *die Strahlen der Sonne stechen* «лучи солнца жгут (невыносимо)» (как будто стрелы из поднебесья) и отсюда *Sonnenstich* «солнечный удар»; *die Zunge sticht* «язык жалит» (на основе сравнения с змеей, которая, по мнению людей, жалит языком); *Worte stechen* «слова ранят» (на основе сравнения с придорожными колючками); *stechende Augen* «колючий взгляд» (на основе впечатления, как будто из глаз выскакивают змеи и жалят); *eine Karte sticht die andere* «одна карта бьет другую» (на основе образа турнира, когда один рыцарь прокалывает другого – тот падает с лошади – и побеждает его, то есть карточная игра моделируется сознанием как рыцарский турнир, в котором участвуют образы, изображенные на картах) и, наконец, *ein Faß / Wein stechen* «брать пробу с вина, в первый раз открывать бочку» (на основе сравнения с ситуацией, когда мясник колет ножом животное и из раны струей хлыщет кровь).

¹ Здесь и далее современные значения глаголов приводятся по [24], этимологические данные – по [25].

Приведенные примеры подтверждают слова М.В. Никитина о том, что образ – это способ, которым сознание решает задачи концептуализации [16, с. 189]. Следует подчеркнуть, что для рассматриваемых глаголов важны и образы моторных программ, которым долгое время не уделялось должного внимания при описании семантики глаголов или они попросту не учитывались. Для подтверждения этого положения приведем лишь один пример: исходное значение глагола *wischen* «вытирать» описывается в этимологическом словаре через визуальное представление определенного жеста / движения руки (*in der visuellen Ausgangsbedeutung einer raschen Reibegebärde*). Роль моторной программы заключается в том, что она дифференцирует одно действие от другого. Очень важно, что именно она часто является основанием моделирования других сфер внешнего и внутреннего мира человека, то есть появления вторичных значений. Для современных носителей немецкого языка или изучающих его как иностранный многозначные глаголы задают образцы интерпретации воспринимаемого. «Это – своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, совокупность обозначений, влияющая на членение опыта и виденье ситуаций и событий» [14, с. 64 – 65].

История развития рассматриваемых глаголов подтверждает также положение об антропоморфичности кода представления мира или более глобальную «мысль о биологических истоках культурных феноменов» [22, с. 67]. Она свидетельствует о том, что «окружающий мир не дан человеку откуда-то извне, не «окружает» человека, а создается им самим. Познание же того или иного объекта или явления этого мира не является выявлением каких-либо характеристик, «объективно» присущих данному объекту или явлению ..., а представляет собой формирование в сознании познающего субъекта устойчивого образа объекта (явления), включающего в себя только те черты, которые выделены им на основе опыта взаимодействия с такими объектами или явлениями» [10, с. 241]. Об этом свидетельствуют примеры *stechende Dornen* «колючие шипы», *stechende Sonne* «жгучее (колючее) солнце», которые представляют свойства объектов через призму реакции человеческого тела на них. Интересен факт, что в нашем корпусе у глагола *stechen* «колоть» не зафиксировано ни одного переносного значения с положительной коннотацией, также как у глагола *schneiden* «резать», в отличие, скажем, от *kratzen*, которое в русском языке передается двумя глаголами «царапать, чесать». Реакция человека на данное воздействие (что является вторичным значением) может быть как положительной (чесать), так и отрицательной (царапать), вследствие чего глагол и развивает соответствующие вторичные значения «полюстить кому-либо, быть приятным» (*Das Lob hat ihn gekratzt* «Похвала ему польстила») или «волновать, доставлять проблемы, беспокойство» (*Die Kritik in den Medien kratzt ihn wenig* «Критика в средствах массовой информации мало его волновала»). На основе подобных данных представители разных наук о человеке приходят, как отмечает А.А. Залевская, «к общему выводу: язык ничего не значит сам по себе, означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными» [6, с. 102].

И, наконец, этимологи, исследовавшие историю развития слова, предвосхитили одну из основополагающих идей когнитивной семантики, а именно о процессах фокусирования и дефокусирования компонентов значения или – шире – концептов, входящих в концептуальную структуру какого-либо слова (см. об этом работы [7; 9; 15; 18] и др.). Комментируя появление новых значений, в использованном нами словаре авторы его дают, например, такие объяснения: *schinden* «снимать кожу с убитого животного»: *hier überwiegt der Gedanke an die Haut, die man von dem geschundenen Tiere erhält; daher einen ausplündern, aussaugen, berauben* «здесь доминирует мысль о шкуре животного, которую кто-либо получает; отсюда значения *обобрать, обворовать кого-либо*». Эту же функцию имеют комментарии типа *eine Bedeutung / die Vorstellung tritt zurück / hervor, wird abgeschwächt* «какое-либо значение / представление выступает на передний план / отступает на задний план, ослабевает». Так подтверждается важное положение о том, что «когнитивная семантика – это прежде всего возвращение к уже имеющимся в лингвистике, но временно отброшенным в некоторых лингвистических течениях представлениям» [20, с. 297].

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что история развития слова – это последовательность способов моделирования окружающего мира, зафиксированная в лексической системе языка. Если категории – формы **человеческого** представления действительности [4, с. 48], то развитие переносных значений – это вторичная категоризация мира. «Классификации в языке хранят в себе черты естественных классификаций, то есть классификаций с образным началом, с их нежесткими границами и отсутствием жесткой логики, с особыми правилами включения в них новых членов, и, следовательно, особыми закономерностями их функционирования и развития» [14, с. 99]. «На основании разных принципов разбиения действительности с помощью языка в связи с основными принципами называния можно реконструировать внутренний мир человека далеких эпох. ... Этимология слова не меньше характеризует человека, чем предмет, названный этим словом» [22, с. 28].

Но даже не ставя таких глобальных задач, можно утверждать необходимость обращения к диахронии при описании и объяснении синхронного состояния языка. «Этимологическая» ориентация человека, как утверждает В.Н. Топоров, естественна, потребность в этимологизации отражает один из важных параметров языковой компетенции [22, с. 11, 418], в которую входит способность к инференции, умение

выводить одно значение многозначного слова из другого, не обращаясь к словарю или не найдя решения в словаре. Именно такую компетенцию мы призваны формировать у изучающих иностранные языки, что, на наш взгляд, невозможно без учета данных из истории слова, в которую непременно входят сведения и о культуре, религии, мировоззрениях, географии и т.д. соответствующего социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляевская, Е.Г. К проблеме делимости когнитивных структур / Е.Г. Беляевская // Русское слово в русском мире: сборник статей. – М.: МГЛУ, Калуга: ИД «Эйдос», 2004. – 300 с. С. 45 – 71.
2. Беляевская, Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: (критерии выбора метода) / Е.Г. Беляевская // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина (отв. ред.) [и др.] – М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 67 – 85.
3. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
4. Верхотурова, Т.Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира / Т.Л. Верхотурова // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. С. 45 – 65.
5. Демьянков, В.З. *Studia Linguistica Cognitiva* – призыв к сотрудничеству / В.З. Демьянков // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. С. 5 – 7.
6. Залевская, А.А. Проблема «тело – разум» в трактовке А. Дамазио / А.А. Залевская // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 82 – 104.
7. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
8. Звегинцев, В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. Под общ. ред. В.А. Звегинцева. – М.: «Прогресс», 1981. С. 5 – 32.
9. Ирисханова, О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования / О.К. Ирисханова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина; Редкол.: Е.С. Кубрякова (отв. ред.) [и др.] – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. С. 69 – 80.
10. Колмогорова, А.В. Языковое значение как структура знания и опыта / А.В. Колмогорова // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. С. 240 – 256.
11. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. Ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
12. Кронгауз, М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
13. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34 – 47.
14. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
15. Кустова, Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г.И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
16. Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики: Учебное пособие / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
17. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
18. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
19. Петров, В.В. От философии языка к философии сознания (Новые тенденции и их истоки) / В.В. Петров // Философия, логика, язык: Пер. с англ. и нем. / Сост. и предисл. В.В.Петрова; Под общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 3 – 17.
20. Селиверстова, О.Н. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение / О.Н. Селиверстова // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 293 – 307.

21. Селиверстова, О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
22. Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения / В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
23. Шведова, Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове / Н.Ю. Шведова // Слово в грамматике и словаре. – М., Издательство «Наука», 1984. С. 7 – 15.
24. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in acht Bänden. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993.
25. Grimm, J., Grimm, W. Deutsches Wörterbuch: in 32 Teilbänden [Электронный ресурс]. – Leipzig: S. Hirzel, 1854–1960. <http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb>.

Ю.О. Бархатова (Полоцк, ПГУ)

ЯЗЫК КАК ФОРМА ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЧУВСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЦЕПТИВНОГО ПРИЗНАКА «ФОРМА»)

Для многих современных лингвистических исследований характерно рассмотрение языковых явлений не изолированно, как знаков особой системы, существующей «в самой себе и для себя», а в тесной связи с человеком. Подобное понимание связано с новым когнитивным подходом к языку, «при котором делается попытка рассмотреть все изучаемые явления и процессы, единицы и категории и т.п. по их связи с другими когнитивными процессами – с восприятием и памятью человека, его воображением и эмоциями, мышлением» [7, с. 9]. По мнению Е.С. Кубряковой, именно «язык выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [6, с. 37].

Изучение отражения в языке результатов чувственного познания окружающей действительности занимает в этом ряду исследований особое место, поскольку именно чувственное восприятие является основным источником информации и способом познания.

По мнению Р.Л. Солсо, «наши знания изначально имеют чувственную природу» [12, с. 55]. Такого рода первичная информация служит источником для появления и функционирования высших форм психической деятельности, выходящих за пределы непосредственной данности, и обеспечивает регуляцию разнообразной ориентировочной, познавательной и практической деятельности [11, с. 137].

Благодаря деятельности пяти органов чувств человек получает различного рода информацию об окружающем мире. Так, зрительно человек воспринимает размеры, форму, цвет, на слух – звуковые характеристики объекта, на вкус – вкусовые ощущения, при помощи органов обоняния человек воспринимает запахи, а осязательно определяются характеристики поверхности объекта, температура, его вес и некоторые другие свойства.

Полученная информация поступает в мозг и интерпретируются далее высшими когнитивными механизмами: мышлением, памятью, формируя концепты, «оперативные содержательные единицы мышления, кванты структурированных знаний об объективной действительности» [5, с. 45]. Концепты не изолированы друг от друга, они взаимодействуют, переплетаются и образуют сложноорганизованную концептосферу, которая представляет собой знания коллективного сознания о мире [там же, с. 45].

По мнению учёных, исследования способов вербализации концептов и категорий, отражающих определённое видение мира человеком, служит наиболее доступным и объективным источником сведений о когнитивных структурах интеллекта человека. Поскольку именно посредством языка происходит фиксация и переработка чувственных данных, осознание специфики тех или иных предметов, выделение их сходств и различий, выявление и обобщение их связей и отношений с другими предметами. То есть язык являет собой средство организации, обработки и передачи информации, в котором отражается весь познавательный опыт человека.

В нашем исследовании особенности чувственного познания окружающего мира рассматриваются на примере признака «форма», воспринимаемом человеком зрительно и тактильно.

Представление о форме, возможное в результате способности человеческого ума к абстракции, отвлечению – ведь в реальной действительности форма неразрывно связана с объектом – есть прежде всего представление о пространственной конфигурации объекта. В.М. Топорова пишет, «любое твёрдое тело существует в определённых пределах, то есть представляет собой конечную массу, ограниченную в пространстве своей поверхностью. Соответственно способу организации каждый предмет характеризуется определённым количеством составляющих его частей и их расположением относительно друг друга ..., особенностями внешнего очертания поверхности, то есть имеет некоторую, воспринимаемую зрительно (и тактильно) пространственную конфигурацию» [13, с. 225]. Как внешнее очертание, наружный вид предмета трактуется форма в толковых словарях немецкого и русского языков [14, с. 563], [8, с. 855].